

УДК 353.2(571.12) "18"

Н.П. МАТХАНОВА

**УЧАСТИЕ ДЕЯТЕЛЕЙ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ XIX в.
В ОСВОЕНИИ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ***

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: nmatkhanova@mail.ru

В статье рассматривается вклад отдельных деятелей западносибирской администрации XIX в., как военных, так и гражданских, в реализацию политики по освоению северных территорий края. Отмечается, что преобладало пассивное и равнодушное отношение к Северу, стремление к наживе, желание выслужиться. Но были и такие администраторы, для которых были характерны патерналистские и модернизаторские идеи. В статье перечислены основные проблемы, поднимавшиеся губернаторами и генерал-губернаторами Западной Сибири: низкий уровень развития экономики, малочисленность, бедность, невежество и болезни населения, трудности в собирании ясака. Среди намечавшихся ими путей решения проблем отмечены улучшение путей сообщения, христианизация и просвещение, развитие рыбопромышленности, урегулирование взаимоотношений между «инородцами» и русскими рыбопромышленниками, изменение кадровой политики и системы управления. Рассмотрен ряд конкретных предложений: участие В.А. Арцимовича в попытке осуществить проект В.Н. Латкина и М.К. Сидорова по проведению Обь-Печорского канала и Н.Г. Казнакова в изучении возможности морского пути в Сибирь; направление Д.Н. Бантыш-Каменским врачей в северные округа, поиски Г.Х. Гасфордом компромиссного решения споров между русскими и аборигенами. Особое внимание уделяется назначению в Березовский округ военно-окружного начальника Г.А. Колпаковского и его деятельности. Отмечено значение геополитической ситуации и выбора правительства между курсом на консервацию особой системы управления «инородцами» или на унификацию этого управления с общеимперской. Подчеркивается влияние личностных качеств деятелей администрации на интенсивность и активность их участия в освоении северных территорий.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, Арктика, XIX в., Березовский округ, освоение, аборигенное население, управление, чиновники, Г.Х. Гасфорд, В.А. Арцимович, Г.А. Колпаковский.

Политика России по освоению ее северных территорий, как и всякая политика вообще, проводилась в жизнь усилиями конкретных людей – офицеров, чиновников, священников, предпринимателей, казаков и др. В российских условиях особую роль играли представители администрации. Их деятельность, ее характер и результаты зависели от многих факторов, как объективных, так и субъективных. Наиболее серьезно влияли факторы, внешние по отношению к непосредственным исполнителям: общий правительственный курс, не раз менявшийся в течение XIX в., социально-экономические условия, воля непосредственного начальства. Но немалую роль играли и субъективные, личностные факторы. Можно выделить ряд векторов, определявших намерения разных людей, – например, жажда наживы, желание выслужиться, сделать успешную и быструю карьеру, попечение и забота о местных жителях, воспринимавшихся в ориенталистском духе как объект опеки со стороны просвещенного начальства, стремление осуществить преобразования в современном духе и ликвидировать отставание региона и страны в целом.

*Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Президиумом РАН №44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

Всего в течение XIX в. должности сибирских и западносибирских генерал-губернаторов занимало 12 чел., тобольских губернаторов – 28, томских – 24. Но далеко не все активно участвовали в освоении северных территорий. Преобладали чиновники, которые равнодушно или пассивно (в лучшем случае более или менее добросовестно) исполняли решения правительства и высшего местного начальства. Для большинства Север и его население оставались источником проблем, дотационным и даже ненужным районом – именно это демонстрируется в большинстве отчетов тобольских и томских губернаторов. И на самом деле северные территории в течение многих десятилетий не приносили дохода казне, а содержание их стоило немалых затрат – финансовых и человеческих. Но были и другие администраторы, они видели и формулировали проблемы, существовавшие в северных районах Тобольской и Томской губерний, предлагали способы их решения, продвигали конкретные проекты. О различных проектах, записках, предложениях, непосредственных действиях, прямо или косвенно направленных на более эффективное использование северных территорий и/или улучшение жизни их населения, более или менее подробно писали известные историки (см., например: [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]).

Среди поднимавшихся проблем чаще других отмечались низкий уровень развития экономики, малочисленность, бедность, невежество и болезни населения, особенно аборигенного, трудности в собирании ясака и выполнении повинностей. Губернаторы указывали и некоторые пути решения. Их видели в улучшении путей сообщения, организации школ и больниц, развитии рыбопромышленности, урегулировании взаимоотношений между «инородцами» и русскими рыбопромышленниками, занимавшими удобные и выгодные для рыбной ловли места, изменении кадровой политики и системы управления.

С начала XIX в. активизировались географические исследования, лейтмотивом которых «являлся поиск водного пути между Белым морем и реками Сибири» [8, с. 46], что сулило возможность торговли с Европой через Северный Ледовитый океан. Идею поддержал тобольский губернатор А.М. Корнилов. В 1829 г. его предложения были рассмотрены в Сибирском комитете и отвергнуты с основной мотивировкой: осуществление их невозможно и не нужно, так как затраты превзойдут возможную прибыль¹. Та же судьба постигла и предложение томского губернатора П.П. Аносова².

Тобольский губернатор В.А. Арцимович развернул настоящую кампанию по продвижению проекта Обь-Печорского канала известных предпринимателей В.Н. Латкина и М.К. Сидорова. В отличие от большинства деятелей сибирской – и не только сибирской – администрации, Арцимович прибегал не только к таким привычным методам, как «убеждение» купцов в необходимости выделить средства, как письма и служебные записки в адрес вышестоящих инстанций. Он широко использовал созданные по его же инициативе «Тобольские губернские ведомости», что было характерно для его управленческого стиля.

В 1857 г. он подал записку генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х. Гасфорду, в которой привел аргументы в пользу проекта. Почти дословно они повторены в статье чиновника Тобольского общего губернского управления М.А. Смоленского [9]. Так, в документе губернатора сказано: «Здесь дело идет не о частных выгодах, а о промышленном и торговом развитии обширной страны, о заселении пустынных ее мест и извлечении из недр ее богатых сокровищ, а также об усовершенствовании жителей Сибири в умственном и нравственном отношениях»³. В статье: «...здесь дело идет не о частной торговой спекуляции, а о развитии промышленной деятельности целого края, края обширного и богатейшего, но малонаселенного и пустынного!»⁴. Такое совпадение не случайно – именно чиновники, причем нередко из ближайшего окру-

жения губернатора, и были авторами многих статей в первой сибирской газете [10, с. 97–122].

Арцимович и его сотрудники стремились доказать, что осуществление плана Латкина решит одновременно большинство проблем Севера. Установление связи сибирских рек с «зауральскою системою вод», а тем самым «с внутренними губерниями», приведет к развитию судоходства и оживлению торговли. Естественным образом увеличится спрос на продукцию и южных, и северных районов губернии, и Западная Сибирь начнет вывозить на российские и зарубежные рынки не только традиционные «сырые произведения» (рыба, лес, пушнина, птица), «но и сокровища, затаенные в недрах здешних гор... в которых так сильно нуждается Европа»⁵. Сознывая сложность стоявшей задачи, авторы документа предполагали участие в ее решении и государства (подача записки на высочайшее имя), и частного капитала (подписка тобольских купцов на будущую компанию), и интеллектуальных сил (организация исследовательской экспедиции). Понимание важности проекта Латкина частично сложилось у Арцимовича во время его поездки на север губернии [11]. Отрицательный отзыв Главного управления Западной Сибири и отъезд Арцимовича из Сибири прекратили попытки реализовать данный проект.

Генерал-губернатор Н.Г. Казнаков в 1878 г. сам побывал в Обской губе, «присутствовал за полярным кругом при первом обмене на условной стоянке товаров» и пришел к выводу, что без основательного изучения условий плавания в Карском море и в устье Оби организация морской торговли невозможна. Он предлагал организовать морскую и речную экспедиции, убедил местное купечество содействовать их проведению. Кроме того, Казнаков считал полезным организацию в Тобольске мореходных классов по подготовке шкиперов и лоцманов, для начала – для речной навигации, и проведение телеграфа в Самарово. Довольно критически он оценил действия X округа путей сообщения, обвинив его руководство в недостаточном внимании к северным коммуникациям. И, наконец, Казнаков надеялся на полезность и в этом созданного по его инициативе Западно-Сибирского отдела ИРГО⁶.

Хотя идея Обь-Печорского канала так и не была осуществлена, Латкину и Сидорову удалось создать акционерную компанию, организовать несколько рейсов по Оби в Северный Ледовитый океан и вывезти грузы в Западную Европу [12, с. 8–30, 37–40; 13; 14, с. 81–83]. Во второй половине столетия морское сообщение с сибирскими северными территориями стало регулярным [15, с. 340–343; 16, с. 96–101].

Управление северными территориями включало и решение многих проблем местных жителей. Большая часть управленческого корпуса в лучшем случае видела в «инородцах» объект попечения, в худшем случае – источник незаконного обогащения. Немногие

¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 67. Л. 76.

² О Северной дороге // Тобольские губернские ведомости. Часть неофиц. 1857. № 18.

³ ГА РФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 47. Л. 12 об. – 13.

⁴ Тобольские губернские ведомости. Часть неофиц. 1857. № 28.

⁵ ГА РФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 47. Л. 5–5 об.

⁶ РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 65. Л. 57 об. – 60 об., 84–88, 117–117 об.

настроенные в просветительском и модернизационном духе чиновники были озабочены проблемой интеграции аборигенного населения в российский социум. Надежными и привычными средствами решения этой проблемы были просвещение и христианизация [8, с. 50].

Тобольский губернатор Д.Н. Бантыш-Каменский, посетивший в 1827 г. Обдорск, выделил несколько проблем в положении аборигенов. Угроза «бунта обдорских хантов и лесных ненцев» была вызвана неудачной попыткой реализации Устава об инородцах 1822 г. – тем, что «их не освободили, подобно обдорским ненцам, от земских и других повинностей». Как отмечают авторы коллективной монографии по истории Ямала, Бантыш-Каменский «распорядился временно прекратить сбор этих налогов», а затем, очевидно по его инициативе, «все ханты, манси и ненцы Северного Приобья... стали платить... один ясак» [3, с. 130; 17, с. 743]. Он же первым из местных губернаторов озаботился регулярным направлением медиков для борьбы с эпидемиями, «свирепствовавшими между тамошними инородцами» [17, с. 744; 18, с. 138] – полагалось по очереди ездить на север всем уездным лекарям губернии. Первым был командирован с этой целью член врачебной управы Ф.М. Белявский.

Начальство отмечало и такие проблемы в положении «инородцев» тобольского севера, которые были связаны с конкуренцией за использование рыбных промыслов и закабалением местных жителей крупными рыбопромышленниками. Нередко это приводило к недовольству со стороны аборигенного населения. Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд, отвечая в докладе Второму Сибирскому комитету на жалобу «управляющего остяками Обдорской волости Березовского округа обдорского князя Ивана Тайшина», писал, что «русские промышленники, увлекаясь богатыми рыбными промыслами по Оби и выгодно меною своих произведений на добываемые остяками и самоедами звериные шкуры, еще в прошлом столетии основали во многих местах свои заселения по Иртышу и по Оби на принадлежащих остякам землях. Заселения эти сделаны частью с дозволения правительства, но большею частью самопроизвольно». Гасфорд признавал, что такого рода колонизация является «более или менее стеснительной для туземцев», но в то же время служит «к развитию прибрежной по Оби и Иртышу и приморской на Ледовитом океане торговли», полезной и самим жалобщикам. Посетив Березовский край, генерал убедился в том, русские «захватили все почти лучшие места, принадлежащие инородцам». Но и русские «обдорские» тоже жаловались генерал-губернатору на притеснения. Итогом стало предложенное Гасфордом компромиссное решение: «с одной стороны, решительно запрещалось самовольное переселение в “инородческие места”, а с другой – признано необходимым оставить там промышленников, поселившихся в минувшем столетии» [1, с. 131]. Главным аргументом для Сибирского комитета, очевидно, стало понимание

того, что «прочное заселение» русскими Севера «полезно в видах и политических, и торговых»⁷.

Не менее важным вопросом, относившимся к рыбопромышленности, был вопрос о переработке и заготовке ценных сортов рыбы, что позволило бы сохранять ее, перевозить и продавать по достаточно высоким ценам. Эта тема подробно развивалась в одном из первых номеров «Тобольских губернских ведомостей»⁸, но серьезные шаги по ее решению были предприняты лишь в конце столетия – при губернаторе Н.М. Богдановиче [19, с. 293–298].

Во время своей поездки на север Гасфорд, знакомясь с бытом и нравами «простодушных детей природы... не нашел в них ни того недостатка умственных способностей, ни того отвращения от труда, какие обыкновенно им приписывают»⁹. Он был уверен, что решающими средствами «улучшения состояния инородцев Березовского края» могут стать просвещение, христианизация и радикальные перемены в управленческом корпусе. Первое и второе возлагалось на миссионеров, которые «бы жили и перекочевывали с народом... лечили бы как людей, так и домашний скот от простых болезней», учили, «в... празднества устраивали бы для своих прихожан небольшие угощения и старались бы вообще сделаться инородцам полезными и приятными» [20, с. 61], и «совершали бы упрощенные церковные обряды»¹⁰. Последнее предложение Синод отверг с неодобрением, отказавшись даже рассматривать эту не православленную идею генерала-протестанта. Вместе с тем предложение открыть Обдорскую миссию с сельскими училищами при ней было встречено с одобрением, миссия, существовавшая в 1832–1833 гг. под названием Северной, была восстановлена в 1854 г. [20, с. 60–63].

Вполне успешным был результат другого ходатайства Гасфорда – о назначении в Березовский округ военного-окружного начальника. Основные аргументы сводились к тому, что по отдаленности и отсутствию надежных сообщений невозможен эффективный контроль со стороны губернатора, а местные чиновники допускают беспорядки и злоупотребления. Идея заключалась не только в назначении военного, которым больше доверял и центр, и генерал-губернатор, не только в наделении его большими полномочиями, но и в настойчивом, не раз повторенном требовании «лицу сему определить такое содержание, которое дало бы возможность назначить в эту должность достойного во всех отношениях штаб-офицера». На Севере кадровый вопрос, вообще трудный в Сибири, был еще острее. Гасфорд писал: «...если Сибирь составляет место высылки для жителей России, то Березовский округ, по своей отдаленности и дурному климату, составляет место ссылки для жителей Сибири»¹¹. Уда-

⁷ РГИА. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 26. Л. 10–11.

⁸ О Березовской рыбопромышленности // Тобольские губернские ведомости. Часть неофиц. 1857. № 17.

⁹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 138. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 6–7.

¹¹ Там же. Д. 37. Л. 23–23 об.

лось добиться сравнительно приличного содержания (в общей сложности более 1000 руб.), а «достойным» кандидатом стал личный адъютант самого Гасфорда – майор Г.А. Колпаковский, впоследствии выдающийся военный администратор в Туркестане. Ему была дана подробнейшая инструкция о попечении за всеми сторонами жизни «инородцев» – от взноса ясака и обеспечения продовольствием до распространения христианства, пропаганды оспопрививания и обучения детей, особенно же подчеркивалась необходимость «ограждения от притеснений» аборигенов¹².

В письмах Г.А. Колпаковского к В.А. Арцимовичу показан процесс практического осуществления многочисленных и многотрудных обязанностей. Больше всего и чаще всего он писал о качествах подчиненных, необходимости увольнения, наказания или перемещения одних и выдвижения, награждения или назначения других. Главными критериями в оценке чиновников для него служат честность, отношение к «инородцам» (почти категорическое требование «удалить» заседателя Попова мотивировано тем, что он попустительствует притеснениям и сам «делает разные поборы и вымогательства»)¹³. Губернатор Арцимович в отчете за 1855 г. особо подчеркивал, что Колпаковский много и часто ездил по отдаленным и труднодоступным местам, а главное, «умел войти в доверие» к аборигенам¹⁴. Почти в каждом письме упоминается о поездке в Сургут, Обдорск, «юрты», разборе жалоб и т.д. Колпаковский настаивал, что врач в этом округе нужнее, чем в более обжитых районах, доказывал, что набор ополчения из местных «инородцев» бесполезен и даже вреден. Именно он выяснил, что за жалобой «инородцев» о захвате крестьянами рыбных «песков» стоит богатый и влиятельный тобольский купец П.Ф. Плеханов, который получил «пески», принадлежавшие аборигенам, в аренду по низкой цене и выступил ходатаем за их интересы¹⁵. Колпаковский понимал значение рыбопромышленности для местных жителей – как русских, так и аборигенов, и пытался найти компромиссные решения в неизбежно возникавших спорах, внося свои предложения в Совет Главного управления Западной Сибири¹⁶.

В целом и для Гасфорда, и для Арцимовича, и для Колпаковского был характерен имперский, патерналистский и модернизаторский подход к освоению Севера. Именно с этих позиций Арцимович критиковал существовавшую систему управления.

До конца XIX в. правительственный курс колебался между линией на консервацию образа жизни аборигенов, сохранение специфической системы управления, и линией на более интенсивную интегра-

цию их в российский социум с введением единых административных порядков на территории всей страны. Постепенно вторая тенденция становилась преобладающей. Ее поддерживали и многие деятели западносибирской администрации: генерал-губернатор А.О. Дюгамель приписал две остяцкие волости к русской, Н.Г. Казнаков и тобольский губернатор А.С. Сологубов предлагали причислить «к русским волостям оседлых аборигенов Тобольской и Томской губерний» [1, с. 61–63; 2, с. 128]. Осуществление подобных проектов либо откладывалось на долгий срок, либо приносило отрицательные результаты [1, с. 54–63].

И сторонники, и противники полного подчинения сибирских аборигенов русскому законодательству», унификации «управления русского крестьянского и коренного населения» [1, с. 54–63] апеллировали к государственным интересам и к патерналистскому долгу по отношению к аборигенам. Как правило, у них сохранялось понимание необходимости покровительственного отношения к аборигенам и учета местных особенностей.

Внимание и интерес к северным территориям центрального правительства и высшего местного начальства колебались в связи с изменением геополитической ситуации. В середине 1850-х – начале 1860-х гг. она оказалась неблагоприятной. Во-первых, поражение в Крымской войне и финансовый кризис сократили возможности и намерения власти тратить средства на окраины. Во-вторых, границы империи сдвигались на юг – осуществлялось продвижение в Среднюю Азию и в Приамурье. Когда внешне- и внутривосточная обстановка складывалась более благоприятно для Севера, честные и добросовестные деятели сибирской администрации вновь проявляли инициативу и настойчивость в активизации политики по освоению и модернизации северных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири. XIX – начало XX века. Иркутск, 1986.
2. Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). М., 1995.
3. [Кучер В.В.] Правительственная политика в отношении аборигенов // Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень, 1995. С. 126–138.
4. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX вв. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.
5. Миненко Н.А. Проект «законов» для народов Обского Севера 1830 года // Ямал в XVII – начале XX в.: социокультурное и хозяйственное развитие (документы и исследования). Салехард; Екатеринбург: 2006. С. 147–193.
6. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995.
7. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997.
8. Побережников И.В. Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX – начала XX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. Вып.3 (23). С. 44–52.

¹² РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 37. Л. 39–58 об.

¹³ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 408. Л. 1–7, 11–11 об., 18 об. – 19 об., 22–23 об., 33–35 об.

¹⁴ Там же. Д. 27. Л. 28 об.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 408. Л. 3, 25–25 об., 29–31 об.

¹⁶ Журнал Совета Главного управления Западной Сибири, состоявшегося 16 июля 1857 года, под № 92 // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 17. 17 авт.

9. Смоленский М.А. О предполагаемом сообщении между реками Печорой и Обью // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы. Тюмень, 2004. Кн.2. С. 23–32.

10. Морозова Н.Н. Коммуникация власти и общества (по материалам «Губернских ведомостей» Западной Сибири 1857–1866 гг.). Новосибирск, 2012.

11. Матханова Н.П. Тобольский губернатор В.А. Арцимович и его записки о севере губернии // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 10–14.

12. Жилинский А.А. Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск, 1918.

13. Ламин В.А., Ноздрин Г.А. Сибирский купец Михаил Константинович Сидоров // Личность в истории Сибири XVIII – XX веков: сб. биогр. очерков. Новосибирск, 2007. С. 113–123.

14. Комлева Е.В. Вклад купечества в исследование и освоение северных территорий России (конец XVIII – начало XX в.) // Государственная политика России в Арктике: Стратегия и практика освоения в XVIII – XXI вв. Новосибирск, 2012. С. 73–89.

15. Востротин С.В. Северный морской торговый путь в Сибирь // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 338–361.

16. Шиловский М.В. Исторический опыт хозяйственного освоения Арктической зоны России в дореволюционный период // Государственная политика России в Арктике: Стратегия и практика освоения в XVIII – XXI вв. Новосибирск, 2012. С. 90–103.

17. Шемякин суд в XIX столетии. Записки Д.Н. Бантыш-Каменского. 1825–1834 гг. Сообщ. В.Д. Бантыш-Каменским // Русская старина. 1873. № 6. С. 735–784.

18. Белявский Ф.И. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833.

19. Очерки истории Югры. СПб., 2000.

20. Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень, 2001.

Статья поступила
в редакцию 21.08.2014

УДК 351:332.1(571.6)“17/18” + 351:314.72(571.6)“17/18”

Е.В. КОМЛЕВА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЧАСТНАЯ ИНИЦИАТИВА В ОБЛАСТИ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: feodal@history.nsc.ru

В статье освещаются основные направления государственной политики по освоению северо-восточных территорий России и включению их в экономическое и социокультурное пространство страны в конце XVIII – первой половине XIX в., анализируется взаимодействие государства и частных лиц на этом поприще. Рассматривается решение таких проблем, как организация заселения северо-восточных районов, прокладка путей сообщения, снабжение населения продовольствием, политика по отношению к аборигенным народам. Делается вывод, что в течение рассматриваемого периода долговременной государственной стратегии по развитию конкретно северо-восточных окраин империи не существовало – предпринимаемые в этом направлении шаги осуществлялись в рамках планов по развитию Сибири в целом. Наибольшее внимание при этом уделялось заселению стратегически важных северных районов – Камчатки и Охотского побережья. Рассмотренные проекты чиновников и купцов по освоению труднодоступных северных территорий показывают, что как у государственных служащих, так и у заинтересованных предпринимателей, несомненно, было ясное понимание того, что без активного участия государства, без привлечения мобилизационных возможностей его управленческого аппарата невозможно обеспечить решение многих проблем, связанных с заселением и хозяйственным освоением севера. Особое внимание уделено наиболее масштабному проекту, осуществлявшемуся в течение рассматриваемого периода, – деятельности Российско-американской компании. Однако во многом из-за отсутствия планомерных систематических усилий в деле освоения северо-восточных территорий страны к середине XIX в. не удалось достигнуть значительных результатов.

Ключевые слова: северо-восток России, экономическое и социокультурное освоение, политика правительства, частный капитал.

Освоение труднодоступных северо-восточных территорий и полноценное включение их в экономическое и социокультурное пространство России –

сложный многовековой процесс, на протяжении которого усилия государства переплетались с инициативой частных лиц. Активное освоение земель на крайнем севере Сибири началось лишь со второй половины XIX в., чему в значительной степени способствовали обнаружение там залежей полезных ископаемых и появившаяся возможность эксплуатации Северно-

*Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Президиумом РАН, №44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».